

Харитонов Михаил Юрьевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

НА ОСТРИЕ ЭПОХИ: И.Д. КУЗНЕЦОВ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ЧУВАШИИ

***Аннотация:** в статье рассматривается научное наследие И.Д. Кузнецова (1906–1991) – историка, оставившего более 200 работ по аграрной истории, социальной структуре, национальному движению, партийному строительству и культуре Чувашии. Обосновывается идея, что труды И.Д. Кузнецова, написанные в рамках советской исторической науки, содержат проблематику, которая в современном знании относится к социологии и политологии. В работе выделяются социологическое и политологическое измерения его наследия, раскрывается исследовательское содержание, стоящее за привычными историческими темами, и обосновывается необходимость междисциплинарного прочтения его трудов.*

***Ключевые слова:** история Чувашии, социально-гуманитарное знание, междисциплинарное прочтение, советская социология, советская политология, советская историческая наука.*

Иван Данилович Кузнецов (1906–1991) – одна из ключевых фигур социально-гуманитарного знания Чувашии XX века. Историк по образованию, он оставил наследие, которое не сводится к одной дисциплине: более 200 научных работ, включая 20 книг и брошюр. Его труды посвящены аграрной истории, национальному движению, партийному строительству, литературной критике, этнографии и культурологии. Жизнь И.Д. Кузнецова вместила партийную работу 1930-х гг., арест 1937 г. и возвращение в науку после реабилитации 1955 г. Позднее, с 1967 по 1973 гг., он заведовал кафедрой истории СССР в Чувашском государственном университете, а затем до 1980 г. был профессором

той же кафедры [4]. Цель статьи – не полное описание его творчества, а попытка показать, что работы И.Д. Кузнецова, написанные в рамках советской исторической науки, содержат проблематику, которая в современном знании относится к социологии, политологии и другим дисциплинам, и что его наследие требует междисциплинарного прочтения.

К 1920-м гг. институциональное оформление социальных наук в мире еще не завершилось; границы между историей, социологией, политологией и другими дисциплинами оставались подвижными. В Советской России этот процесс приобрел принципиально иной характер. Традиционные историко-филологические факультеты были ликвидированы еще в 1919 г. и заменены факультетами общественных наук. В школе история как самостоятельный предмет исчезла: ее заменило обществоведение, объединившее политэкономия, экономическую географию, советское право, историю социализма. Институт красной профессуры, где учился И.Д. Кузнецов, имел формальное разделение на отделения, – историческое, экономическое, философское, – которые однако функционировали в рамках единой методологии изучения общества – марксизма-ленинизма. Самостоятельные дисциплины – социология, политология – не имели институционального существования; их предметное поле поглощалось историческим материализмом и политической экономией. Лишь в конце 1950-х гг. в СССР стали проникать мировые тенденции: постепенно оформляется социология, но в урезанном виде – как «конкретные социальные исследования» при сохранении идеологического контроля [3]. Политология же как самостоятельная дисциплина так и не сформировалась: ее проблематика растворялась в научном коммунизме, историческом материализме и истории КПСС.

Отсюда следует, что И.Д. Кузнецов не мог быть социологом или политологом, поскольку таких специальностей в то время просто не было. Но предмет, который он изучал, был социальным и политическим. Надо также подчеркнуть еще один момент. Как показал С.Б. Крих, язык советской историографии обладал свойствами обязательности и принудительности: высказывание с марксистскими маркерами было предпочтительнее высказывания без них, а апелляция к

уже достигнутой истине делала исследование повторением известного на новом материале [1].

Историческое наследие. И.Д. Кузнецов пришел в науку как историк и оставался им до конца жизни. Его историческое наследие складывается из нескольких крупных исследовательских тем, в каждой из которых он внес значительный историографический вклад.

Первая и главная тема – история чувашского крестьянства, над которой он работал почти тридцать лет. В статье «Из истории Чувашии» (1933) он с марксистских позиций осмыслил экономическое положение крестьянства – малоземелье, повинности ясачных крестьян XVII века, классовое расслоение – и ввел в оборот понятие «коштанство», до него практически не изученное. Первая часть темы, защищенная как кандидатская диссертация (1958), охватывала эпоху от Золотой Орды и Казанского ханства до XIX века; вторая – монография «Крестьянство Чувашии в период капитализма» (1963), защищенная как докторская, – исследовала классовую дифференциацию, аграрный вопрос и крестьянские промыслы; третья (в основном осталась в черновиках) – доводила повествование до колхозного строя. Эта трилогия создала периодизацию аграрной истории Чувашии почти за пять столетий.

Вторая тема – история крестьянских движений и социальных конфликтов: крестьянские войны XVII–XVIII вв., «черемисские войны», насильственная христианизация, Акромовское восстание 1842 г., «кулацкий мятеж» 1921 г. Сборник документов «Национальные движения в России в период первой русской революции» (1935) – первый в историографии Среднего Поволжья свод источников по революции 1905–1907 гг. Эти сюжеты И.Д. Кузнецов рассматривал через классовое противостояние в деревне, но с детальным анализом расстановки сил, что давало фактическую канву для изучения политических процессов в регионе.

Третья тема – создание общей истории чувашского народа. Очерк «Из истории Чувашии» (1933) стал первым опытом марксистского осмысления всей истории чувашей – от Волжской Булгарии до автономной области

1920 г. Параллельно И.Д. Кузнецов предпринял и первое систематическое исследование истории партийной организации («Краткая история Чувашской большевистской организации», 1935–1936). Позднее он свел свою концепцию истории Чувашии в книгу «Очерки по истории чувашского народа» (1962, на чувашском языке). Затем к этому добавились главы в коллективных трудах – «История Чувашской АССР», «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС», монография «Чуваши».

Все эти работы, при всей их значимости для исторической науки, содержали во многом проблематику, которая в современном познании относится к иным дисциплинам. И.Д. Кузнецов работал в дискурсе советской исторической науки, но его исследовательская практика выходила за ее пределы – не потому, что он намеревался это сделать, а потому, что материал требовал инструментов, которые в советской системе не имели собственных институций.

Социологическое измерение. Выделение социологического измерения в наследии И.Д. Кузнецова требует оговорок. Он не употреблял слова «социология», не ссыался на Э. Дюркгейма или М. Вебера и не осознавал свои работы как социологические. Инструменты, которые он применял – классовый анализ, историко-сравнительный метод, анкетное обследование, – он считал инструментами исторической науки. Однако с позиций сегодняшней дисциплинарной карты эти инструменты и те вопросы, которые он ставил перед материалом, совпадают с предметом социологии. Ниже рассматриваются направления, в которых социологическое содержание его работ проступает наиболее отчетливо.

Руральная социология. Это самое очевидное из социологических измерений наследия И.Д. Кузнецова. В 1933 г. он был инициатором и одним из руководителей экспедиции по изучению социально-культурного и бытового состояния деревни, охватившей ряд селений Чувашии; обследование велось подворно, по единой методике. Предварительные итоги были опубликованы в брошюре «Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема» (1934, совместно с С.С. Кутяшовым). В 1960 г. Кузнецов участвовал в организации повторной экспедиции по обследованию тех же деревень – так было заложено лонгитюд-

ное исследование. В 1970 и 1980 гг. прошли третий и четвертый срезы по той же методике; итогом стала публикация «Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии» (1986, в соавторстве), обобщившая почти полвека трансформации сельского быта [2]. В этих исследованиях И.Д. Кузнецов выступил не как историк, реконструирующий прошлое, а как социолог, фиксирующий настоящее по данным подворного опроса. Четыре среза по единой методике, охватывающие почти пятьдесят лет, делают это исследование первым комплексным эмпирическим социолого-этнографическим лонгитюдным проектом в национальной республике СССР.

Социология социальных структур и стратификации. Анализ социальной структуры пронизывает почти все наследие И.Д. Кузнецова, но наиболее отчетливо проступает в работах о классовой дифференциации крестьянства. Еще в очерке 1933 г. он оспорил выдвигаемый ранее эсерами тезис о чувашах как сплошном «хура халӑх» («черном народе»), т.е. бесклассовом крестьянстве, и показал, что классовая дифференциация была реальностью. Он работал с данными переписи 1897 г., использовал статистические группировки по показателям дифференциации (земля, скот, посевы, урожайность) и бюджетный анализ по типам хозяйств, прослеживал динамику расслоения – как имущественные различия перерастают в классовые. В результате были выявлены слои – бедняки, середняки, кулаки, коштаны – каждый со своим экономическим положением, образом жизни и политическим поведением, и определены количественные параметры каждого слоя. Роль И.Д. Кузнецова в этом разделе состоит в том, что он фактически первым в регионе построил систематическую картину социальной стратификации чувашской деревни – на историческом материале, но инструментами, которые сегодня относятся к социологии социальной структуры.

Этносоциология. Этническая проблематика у И.Д. Кузнецова не сводится к этнографическому описанию обычаев и обрядов. Статья «К вопросу о происхождении чувашской народности» (1957) – это анализ этногенеза и этнической идентичности. В монографии «Крестьянство Чувашии в период капитализма» (1963) он анализировал этническую идентичность и этнодемографию чувашей:

компактное расселение в восьми уездах трех губерний, соотношение чувашского и русского населения, влияние национального фактора на социальную мобильность и трудовую миграцию. Он показал, что неграмотность и незнание русского языка ограничивали отхожий промысел и обрекали чувашскую бедноту на дешевый труд чернорабочих. В монографии «Чуваши» (глава об общественных отношениях и быте, совместно с Н.И. Ивановым) этносоциологический анализ получил систематическое оформление. Отдельного разговора заслуживает позиция И.Д. Кузнецова в дискуссии о народной педагогике, развернувшейся в 1960–1970-е годы. В ряде трудов того времени роль национального в воспитании преувеличивалась: этническое рассматривалось в отрыве от социального, а традиции прошлого идеализировались. И.Д. Кузнецов же выступал с других позиций – он исходил из того, что этническое нельзя изучать вне социального: национальные особенности воспитания имеют смысл лишь в связи с социальными отношениями и классовой структурой общества. Его место в сфере этносоциологии определяется тем, что он в своих работах последовательно подчинял этническое социальному, а при анализе этничности стремился выйти из области описания обычаев в область социальных отношений.

Социология труда и экономическая социология. В аграрных работах И.Д. Кузнецова экономическое измерение присутствует постоянно: анализ крестьянских бюджетов, доходов и расходов хозяйств, урожайности как показателя экономического положения. Работы «Об урожайности крестьянских хозяйств в Чувашии в дореволюционное время» (1960) и «Урожайность крестьянских наделных земель в Чувашии в 1858–1917 гг.» (1962) использовали экономические показатели не сами по себе, а как индикаторы социального положения. Отдельно стоят работы по истории Чебоксарского электроаппаратного завода (1975) и Козловского комбината автофургонов (1981), написанные вместе с молодыми коллегами, которые обычно относят к «хоздоговорной» продукции. Но по содержанию это полноценные эмпирические исследования: И.Д. Кузнецов работал с анкетами рабочих и ИТР, кадровыми документами, планами и отчетами производства. Анкетный опрос и анализ производственной

отчетности – это прямой сбор первичных данных, а не свodka парадных реляций. Роль ученого в этом разделе – в том, что он изучал становление и развитие рабочего класса в аграрном крае, где пролетариат был малочислен и занят не в фабрично-заводской промышленности, а на лесоразработках и в мелких мануфактурах, и одновременно исследовал социальные изменения методами и инструментами, которые сегодня считаются социологическими.

Социология культуры и социология образования. В монографии 1963 г. отдельная глава посвящена культурно-бытовому состоянию крестьянства: грамотности, школам, физическому состоянию населения. Симбирская чувашская школа И.Я. Яковлева – сквозная тема в работах И.Д. Кузнецова: от ранних статей до участия в юбилейных сборниках о просветителе и статей о Симбирской школе. И.Я. Яковлев у него – не просто просветитель, а социальный деятель, чья школа стала механизмом превращения крестьянских детей в учителей, то есть каналом вертикальной мобильности. Как литературный критик («Время и литература», 1977) И.Д. Кузнецов рассматривал литературу как социальный институт: в статьях о К.В. Иванове, М. Сеспеле, Н.И. Шелеби анализировалось как художественное творчество отражает классовое и национальное сознание. Роль И.Д. Кузнецова для данного раздела социологии состоит в том, что он исследовал не просто историю просвещения, а то, как образование и культура опосредуют социальные изменения и формируют идентичность.

Политологическое измерение. С политологией ситуация еще сложнее, чем с социологией. Как дисциплина она в СССР так и не сформировалась, и И.Д. Кузнецов не мог работать в рамках несуществующей специальности. Но политические процессы – формирование и борьба идеологий, мобилизация масс, функционирование партийного института, национальная политика, политические конфликты – составляют значительную часть его наследия. Он описывал их языком исторического материализма, но предмет был политическим. Ниже выделяются шесть направлений, в которых политологическое содержание его работ проступает наиболее отчетливо.

Политическая институтология. В наследии И.Д. Кузнецова эта проблематика представлена в работах о партийной организации. Работа «Краткая история Чувашской большевистской организации» (1935–1936) – первый опыт анализа партийной организации как политического института, с внутренней структурой, механизмами рекрутирования, функциями идеологического контроля и мобилизации. Позднее эта тема развита в «Очерках истории Чувашской областной организации КПСС» (1974), где И.Д. Кузнецов руководил коллективом авторов и написал отдельную главу. Статья «Борьба Чувашской организации ВКП(б) с национал-уклонизмом» (1966) выходит за рамки историографии партии: она исследует внутрипартийные механизмы борьбы с инакомыслием, политические кампании как инструмент поддержания идеологического единства. При политологическом прочтении работ И.Д. Кузнецова видно, что партийную организацию он описывал как политический институт – со структурой, правилами и механизмами воспроизводства, а не как хронику событий, – и создал корпус работ по институциональной истории региональной партийной организации.

Этнополитология и национальная политика. Национальный вопрос – сквозная тема в наследии И.Д. Кузнецова, охватывающая почти полвека. Работы начала 1930-х гг. содержали анализ национальной политики царизма, политики обрусения и роль миссионерских школ. В них же он проводил разбор национального движения – роль Чувашского национального общества, позицию эсеров-националистов, проекты «Идель-Уральских штатов». Сборник документов 1935 г. дополнил этот анализ материалами о программных документах и политической тактике национальных организаций. В работах зрелого периода – доклад «Поражение чувашского буржуазного национализма в 1917–1918 гг.» (1957), статья «Октябрьская революция и крах чувашского буржуазного национализма» (1958) – анализ усложняется: исследуется расстановка политических сил в национальной республике, механизм краха национальной альтернативы. Поздние работы (1972, 1978) еще четче проводят анализ политических механизмов национального самоопределения, а выступления на международных

конференциях помещают чувашский материал в сравнительный контекст национальных движений народов СССР. Роль И.Д. Кузнецова для данного раздела политологии: он проследил этнополитическую динамику почти за полвека и одним из первых в регионе рассмотрел национальное движение как политический процесс, а не как этнографический сюжет, а также поставил проблему национально-освободительного движения у народа, не имевшего собственной государственности.

Исследование политических идеологий. И.Д. Кузнецов был не только исследователем идеологий, но и их активным производителем – его полемические тексты сами являются материалом для анализа идеологического процесса в действии. В статьях 1930-х гг. он подверг критическому разбору идеологические позиции дореволюционных авторов и современных ему националистов, анализировал эсеровскую концепцию «бесклассового» чувашского народа, миссионерскую идеологию системы Ильминского, ленинскую концепцию национального вопроса. Полемика продолжалась и в поздних работах: статья «К вопросу о национальном социализме и национальном коммунизме» (1959), рецензия «Следуя по ложному пути» (1969), статья «В плену теоретической сумятицы» (1969). Он работал внутри марксистской рамки и не выходил за ее пределы, но его критика фиксировала, как идеологические конструкции формируются, какие политические интересы обслуживают и как трансформируются со временем. Для раздела «политические идеологии» роль Кузнецова состоит в том, что он дал материал для анализа этих процессов: показал внутреннюю логику и противоречия националистических конструкций и оставил корпус полемических текстов – сам по себе источник по истории политической мысли региона.

Политическая мобилизация и массовое политическое поведение. И.Д. Кузнецов описывал механизмы вовлечения крестьянства в политику: от крестьянских сходов 1905 г. до комбедов 1918 г., от партийных ячеек до мобилизации на гражданскую войну. Крестьянские съезды 1917 г., I Всероссийский съезд коммунистов-чувашей (1920), создание Чувашского коммунистического комитета (1918) описаны как последовательность актов политической мобили-

зации. Статья «В.И. Ленин и освободительная борьба чувашского народа» (1960) и доклад «Об этапах перехода чувашского народа от капитализма к социализму» (1967) анализируют мобилизационные процессы в долгосрочной перспективе: от пассивного сопротивления до активного участия в революции и коллективизации. И.Д. Кузнецов фиксировал, как политическая мобилизация проходит через этнические и социальные слои: чувашские крестьяне действовали иначе, чем русские или марийские; бедняки – иначе, чем середняки или кулаки.

Политическая конфликтология. Акрамовское восстание 1842 г., волнения 1905–1907 гг., «кулацкий мятеж» 1921 г. – конфликты разного типа: классовые, этнополитические, внутривластные. И.Д. Кузнецов описывал их в рамках марксистской парадигмы классовой борьбы, но собранный материал позволяет видеть структуру конфликта: стороны, интересы, динамику эскалации, способы разрешения, последствия. Особый случай – Атменевское восстание 1913 г., вооруженный конфликт общинников с отрубниками и полицией, в котором И.Д. Кузнецов анализировал провал столыпинской политики как политического конфликта; внутрипартийная борьба с национал-уклонизмом – конфликт внутри политической элиты. Рассматривая работы И.Д. Кузнецова политологически, здесь мы можем отметить, что за марксистской формулой «классовой борьбы» у него стоит полноценная структура конфликта: разобраны виды конфликтов, а локальный конфликт проанализирован как индикатор провала большого политического курса.

Политическая коммуникация и социализация. И.Д. Кузнецов был не только исследователем, но и практиком обоих процессов. Как заведующий отделом культуры и пропаганды обкома, автор многих газетных статей, позднее лектор общества «Знание», он действовал в сфере политической коммуникации, направленной на формирование массового политического сознания. Его многочисленные публикации конца 1960-х гг. об И.Я. Яковлеве – от статей в «Ученых записках» до газетных очерков – были частью целенаправленной информационной кампании, построенной по принципам политической коммуникации:

адаптация сообщения к аудитории, повторяемость, охват разных уровней читательской публики. Роль первой чувашской газеты «Хыпар» (1906), партийной печати 1920–1930-х гг., системы школьного образования как каналов политической коммуникации присутствует в его работах, хотя и описывается в терминах «классовой борьбы» и «культурной революции». Работы о роли образования и литературы в формировании политического сознания – «Молодежи о коммунизме» (1961), статьи о воспитании, работы об И.Я. Яковлеве и Симбирской школе – анализируют, как политические ценности передаются новым поколениям. В этой сфере значение исследований и деятельности И.Д. Кузнецова носит двойной характер: он и анализировал политическую коммуникацию как систему, с каналами, технологиями и аудиторией, и сам был ее активным участником, оставив корпус текстов, который служит источником по истории политической коммуникации в регионе.

Заключение. И.Д. Кузнецов – историк по образованию, самоидентификации и институциональной принадлежности: его язык – язык исторического материализма, методология – марксистско-ленинская. Однако его наследие выходит за рамки одной дисциплины: рассмотренные социологическое и политологическое измерения – лишь два наиболее крупных подхода, а в его трудах обнаруживается и философское, и культурологическое, и литературоведческое измерения. Работы И.Д. Кузнецова содержат массив эмпирических данных, анализ социальных и политических процессов и методологический опыт, который можно переосмыслить в новых дисциплинарных рамках, не обесценивая исторической природы его трудов. Все это позволяет считать И.Д. Кузнецова фигурой, стоящей у истоков социально-гуманитарного знания в Чувашии, – тем фундаментом, на котором оно во многом основано.

Список литературы

1. Крих, С. Б. Язык советской историографии: основные характеристики / С. Б. Крих // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, кн. 3. – С. 214–222.

2. Сергеев, Т. С. Материалы этнографических экспедиций 1933 и 1960 годов как источник для изучения этнокультурных процессов в жизни сельского населения Чувашии / Т. С. Сергеев // Этнокультурные феномены в образовательном процессе : сб. науч. статей. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2020. – С. 228.

3. Филиппов, А. Ф. Советская социология как полицейская наука / А. Ф. Филиппов // Политическая концептология. – 2014. – № 3. – С. 91–105.

4. Широков, О. Н. Кафедра истории СССР Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1967–1992 гг.) / О. Н. Широков, М. Ю. Харитонов // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения : сб. трудов Всерос. науч. конф-ции. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 52–56.